

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Гуманитарный факультет

Кафедра истории

**Методические указания
по проведению исследований по устной истории**

Санкт-Петербург, 2004

Ф51

63.3 (2)

Методические указания по проведению исследований по устной истории / Сост.: канд. ист. наук, доцент А.И. Филюшкин. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. ___ с.

© А.И. Филюшкин, 2004

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2004

Что такое устная история

«Устная история» — это новое научное направление, интенсивно развивающееся со второй половины XX в. Термин «устная история» был введен еще Барбэ д'Оревилли (1852), однако получил распространение после работ профессора Колумбийского университета Аллана Невинса. Последний в 1948 г. организовал исследование по устной истории, посвященное пионерам сейсмологических и морских геофизических исследований. В дальнейшем устная история наиболее активно привлекается историками науки, особенно точных и естественных наук. В последнее время в связи с осознанием того, что от нас уходят ветераны военного поколения, а также из-за отсутствия широкого доступа для ученых к документам по истории локальных войн, к методам устной истории все чаще обращаются военные историки. В российской науке устная история имеет давнюю традицию. Записи воспоминаний, рассказов ветеранов и т.д. начали вестись еще в XIX в., однако использовать аудиотехнику при таких записях стали только во второй половине XX в., а распространение устной истории как особого научного направления происходит в последние годы.

Сегодня под "устной историей" понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек.

Сущностью этого исследовательского направления является запись (как правило, с применением аудио- и видеотехники) устного рассказа очевидцев тех или иных событий, воспоминаний на заданную тему или о каком-то жизненном периоде. Как метод исторической науки устная история:

- позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, «маленьких людей», которые в официальных источни-

ках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто и вообще забыты;

- предоставляет материал для других отраслей исторической науки — исторической антропологии, исторической психологии, исторической герменевтики;

- обеспечивает трансляцию систем ценностей и культурно-семантического кода от поколения к поколению.

Благодаря устной истории прошлое предстает через мировоззрение рядовых участников исторического процесса. Ведь один из «острых» вопросов о состоятельности истории как науки, поставленный еще в первой половине XX в. французской Школой «Анналов» — о «тотальности» истории. К примеру, мы изучаем историю сражения, в котором участвовало несколько десятков тысяч человек. Естественно, мы не можем восстановить индивидуальную историю *каждого* из участников этого сражения: что он делал, что переживал, чувствовал и т.д. Но, если мы этого не знаем, является ли тогда вообще наше знание об изучаемом сражении адекватным исторической реальности? Или оно под пером ученых стало слишком примитивным, упрощенным, и любой участник события, прочитав труд историка, не узнает в научном описании того, что было в действительности?

С помощью методов устной истории мы имеем возможность собрать мнения рядовых «творцов истории», и тем самым сделать пусть маленький, но все же реальный шаг к достижению более полного, адекватного нашего знания о прошлом. Тем самым устная история выполняет еще одну функцию — охранительную. Благодаря ей мы можем сохранить свидетельства современников, которые в противном случае будут утрачены навсегда. Особенно это касается эпох и сюжетов, изучение которых было под запретом или производилось только по тенденциозным, официальным источникам.

Особенно востребованы методы устной истории в случаях, когда после произошедших событий почти не остается других источников, кроме впечат-

лений и свидетельств, отпечатавшихся в человеческой памяти. Это касается прежде всего следующих сюжетов:

- *История неофициальных религиозных течений, сект, которые, как правило, практически не документируют свою деятельность;*
- *История политических репрессий и социальной борьбы, часто зафиксированная только в материалах официальных следственных дел, что делает ее «однобокой». Без устной истории и мемуаров жертвы гонений не смогут донести до нас точку зрения репрессированного, нам придется удовлетворяться только «версией следствия»;*
- *Военная история, особенно история «непопулярных войн» и локальных конфликтов;*
- *История маргинальных слоев общества, не владеющих письменной культурой и не оставляющих собственных письменных источников (например, история беспризорников, история мигрантов и т.д.);*
- *Этническая история, особенно сельских социумов, а также малых народов;*
- *Гендерная история и история частной жизни.*

В целом необходимо подчеркнуть, что устная история позволяет изучать не сколько фактическую историю прошлого, столько человеческое сознание разных периодов и его трансформацию, отражение в нем тех или иных исторических событий. Она дает богатый материал для исторической антропологии, микроистории, истории ментальностей, истории повседневности, истории частной жизни и, исторической психологии и других историко-антропологических направлений.

Особенности исследований по устной истории.

Данный исследовательский метод имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при использовании результатов работы устных истори-

ков, привлечении в качестве исторического источника созданных ими текстов. Прежде всего, это высокая степень субъективности материалов, полученных в результате интервьюирования. Ведь рассказчик не просто добросовестно вспоминает и излагает то, что он вспомнил. Он при этом как бы переживает прошлое заново, и неизбежно «забывает» что-то «неудобное» для себя, а что-то, напротив, выпячивает и делает центральным местом своего рассказа, хотя, в действительности, степень объективной значимости данных событий может быть незначительной. Рассказчик своим повествованием как бы творит историю, создает ее, моделирует свое прошлое в соответствии с мировоззрением, политическими и культурными установками, особенностями своей биографии и социальной роли, психологическим настроением и психическим состоянием. При этом отношение к событиям у автора воспоминаний может изменяться, и не факт, что в 70 лет человек воспроизведет свои реальные эмоции, мысли, чувства, которые когда-то обуревали его как современника событий 40-50-летней давности.

Имея дело с рассказами живого человека, нельзя забывать о свойствах характера и темперамента рассказчика. Так, человек, склонный к депрессии или разочарованный в жизни, скорее всего не станет разукрашивать радужными красками свою биографию, и не обратит внимания на позитивные моменты в описываемых событиях или явлениях. Или же, наоборот, дополнит рассказ разными фантастическими деталями и подробностями, изображая себя героем и мудрецом, в качестве психологической компенсации за пережитые в прошлом неудачи. Все вышесказанное можно назвать "произволом рассказчика" и отнести к любому устному свидетельству. Но это только одна сторона особенностей устной истории.

Есть и другая проблема — проговоренный рассказчиком текст подвергается мощному воздействию со стороны интервьюера. Он может направлять ход повествования вопросами, которые он ставит. Он задает эмоциональный тон опроса, может сознательно провоцировать своего контрагента или же уводить его в сторону от каких-то тем. Своими высказываниями и даже вы-

ражением лица он способен задать эмоциональную оценку того, что он слышит, что заставит рассказчика либо ориентироваться на нее, либо попытаться опровергнуть. И то, и то неизбежно нарушает объективность рассказа. Поэтому, устная история обязательно становится в какой-то мере продуктом совместной деятельности рассказывающего, и того, кому рассказывают.

Тем более, что при расшифровке записи и ее переводе с магнитофонной ленты на бумагу у историка возникает соблазн подредактировать, подправить текст, сделать его «более правильным» — и в смысловом отношении, и в грамматическом. При этом ученый выступает как бы соавтором текста. И это привносит в него много субъективных элементов, умаляет значение рассказа как исторического источника.

Перед исследователем также встает проблема так называемых «матричных текстов» — когда респондент выдает за свое мнение, переживание или личное свидетельство стандартный, чуть ли не официальный текст, который он усвоил и считает собственным мнением. Эффект от использования подобных матричных текстов иногда бывает просто поразительным — ученые доказали, что часть мемуаров об истории революции и гражданской войны на самом деле основаны на поздних художественных фильмах (например, «Чапаев», «Ленин в Октябре»). При этом подмена в сознании авторов воспоминаний своих личных впечатлений чужим и малодостоверным «матричным текстом» произошла так давно, что респондент не всегда в состоянии осознать, что просто транслирует когда-то навязанную ему извне точку зрения.

Важно также учитывать отражение гендерных, этнических и политических проблем в устных свидетельствах, по «какую сторону баррикад» находился респондент. Важен здесь и менторский аспект: нередко автор воспоминаний специально строит свой рассказ, чтобы «поучить» современное поколение, высказать мысли, наболевшие оценки нынешней жизни и ситуации в стране через противопоставление современному «негативу» «позитивной» истории своего поколения (или — наоборот, противопоставить своей загубленной государством судьбе молодежь наших дней, не понимающую своего

«счастья»). Все это вызывает субъективный отбор материала, которым делится респондент, и задача искусного интервьюера — с помощью вопросов ненавязчиво, но максимально смягчить подобные эффекты.

Отдельной проблемой в устной истории является вопрос об авторстве документа, получающегося в результате транскрибирования интервью. Под *транскрибированием* понимается процесс создания письменной формы записанного с помощью аудиотехники текста. И здесь важно, чтобы выделяемые при транскрибировании смысловые фрагменты, паузы, пустоты, эмоциональный фон совпадали с тем, что действительно было проявлено респондентом при интервьюировании, а не субъективным восприятием корреспондента. Транскрибирование, таким образом, выступает первым этапом интерпретации, толкования документа. Учитывая, что другие историки будут пользоваться в основном текстами, переведенными в письменную форму, а не аудиозаписями, очень велика степень ответственности создателя этой письменной формы — фактически он выступает соавтором респондента.

Реальное поле деятельности устной истории хронологически измеряется продолжительностью жизни последнего поколения. Для отечественной истории это генерация советских людей, победивших в Великой Отечественной войне и строивших страну в 1930-60-е гг., то есть граждане СССР 1915-1930 годов рождения. Изучение этого периода в мировой науке прошло несколько стадий. В историографии советского времени господствовала парадигма «человека — строителя коммунизма». Изображение жизни людей тех лет было подчинено определенным канонам. Оно должно было соответствовать идеалам социалистической морали, классовой борьбы и примата общественного блага над личным.

Западная историческая наука на материалах истории сталинского СССР и Германии при Гитлере создала теорию «тоталитарного человека», применительно к российской тематике — «homo soveticus». Ее основной посылкой было то, что любая личность в любую эпоху имманентно тяготеет к либеральным ценностям: свободе, неприкосновенности частной жизни, лич-

ной собственности, праву на выбор и т.д. Тоталитарные режимы с помощью специально созданной системы идеологического воздействия и карательных органов воздействуют на людей. Человек, таким образом, по этой теории является объектом насилия и психологическо-идеологической перековки со стороны государства. Ему, по сути, отказано в том, чтобы быть субъектом исторического процесса. Единственно, кто пытается выступить данным субъектом — это оппозиция, диссидентствующие движения, исповедующие либеральные ценности.

Однобокость и идеологическая ангажированность данной концепции для западных ученых стала очевидна уже к концу 1960 - х гг. Историческая наука от нее стала отказываться, на смену пришел так называемый критический ревизионизм, направленный в основном на разрушение постулатов теории «тоталитарного человека». Его сторонники указывали, что при тоталитарных режимах человек вовсе не является пассивным объектом воздействия пропаганды и репрессий, он сам является активным участником этих процессов. И, чтобы понять эпоху, необходимо понять истоки и механизм этого участия, будь то трудовой энтузиазм или то, что, выражаясь образно, «пол-России было под конвоем, пол-России в конвоиры шло». А тоталитарный контроль имел свои границы.

Если оценивать советского человека только как объект, как пассивного «винтика», задавленного системой, то невозможно объяснить многие явления советской эпохи, например, такие как массовый патриотизм, преданность долгу, реальные достижения страны в политической и трудовой сфере. Утверждать, что все это — деяния оболваненных и запуганных людей — ненаучно. Задача историка — не судить, но объяснять. Хотя примечательно, что в постсоветский период российская наука обратилась именно к теории «*Novo soveticus*», и активно ее использовала, не обращая внимания на то, что для мировой науки это уже — вчерашний день.

Таким образом, история тоталитарных режимов, писавшаяся ранее как политическая история и история идеологий, была переписана как «история

людей», создававших эти режимы, борющихся и ними, приспособившихся к ним. Сегодня большой интерес вызывает одна из последних теорий, высказанных представителями американской историографии Йоханом Хелльбеком и Игалом Халфиным — концепция «советской субъективности» (хотя правильнее по-русски было бы «субъектности»). Под «субъектом» авторы понимают не картезианского субъекта как цельную личность, сформировавшуюся в процессе самоотрицания и рефлексии, не кантианского субъекта, обладающего цельностью самосознания и восприятия окружающего мира, а результат работы дискурсивных практик, текстуальную динамическую конструкцию. По определению редакторов форума в журнале «Ab Imperio», посвященного «советской субъективности», ее создатели «раскрывают динамичный «положительный» потенциал проекта по построению советского общества и субъекта, указывают на проблематичную границу между частной и общественной сферами, реконструирует систему личностных и групповых ориентаций и ценностей, которые обнаруживают свое присутствие в субъективном мире советского человека».

Главными источниками для историков данного направления являются нарративные памятники: автобиографии, анкеты, дневники, письма, тексты допросов и т.п. Критерием отбора здесь выступает то, что все они являются проекциями различных ритуалов самопрезентации. Й. Хелльбек вообще считает, что режим сознательно создавал значительное количество ситуаций, в которых были необходимы такие ритуалы — заполнение анкет при приеме на работу, отчеты на собраниях и т.д. — ученый называет это «субъективирующими практиками». По его мнению, «советский проект создания Нового Человека осуществлялся, главным образом, через текстуальные формы, биографические и автобиографические тексты (автобиографии, ритуалы критики и самокритики, допросы НКВД и стенограммы процессов), и эти тексты воспринимались как вполне материальные элементы процесса создания субъективности».

Добавим к этому, что материалы, полученные с помощью методик устной истории, могут оказать неоценимую помощь в поиске кода для прочтения нарратива 1920-50-х гг. Ведь здесь можно уточнить интерпретацию, которая при обращении к «мертвому нарративу» всегда останется произвольной. Поэтому применение методов «советской субъективности» к материалам устной истории, как и использование этих материалов в исследовании «советской субъективности», может взаимно обогатить наши знания и возможности в понимании прошлого.

Как проводить интервьюирование респондентов

Главным методом сбора материалов по устной истории является интервью. Исследователь, организующий и проводящий интервью, называется *корреспондентом*, а человек, у которого берут интервью — *респондентом*.

При проведении интервью необходимо соблюдать следующие методологические рекомендации:

- провести предварительную работу с респондентом, заранее познакомить его с вопросами, чтобы он смог пережить первичную эмоциональную оценку, продумать свой ответ;
- задать эмоциональный фон рассказом о важности задачи, обрисовать возможную аудиторию читателей создаваемого текста так, чтобы респондент был воодушевлен значимостью поставленной перед ним задачи и постарался максимально соответствовать требованиям интервьюера;
- составить вопросник таким образом, чтобы вопросы косвенно перекрывали друг друга и тем самым позволяли проверить степень искренности и объективности рассказа респондента;
- Для опроса использовать аудиотехнику, однако это не должно быть навязчивым. Лучше всего подойдет небольшой, не бросающийся в глаза диктофон, чтобы респондент не чувствовал себя скованным перед микрофоном или камерой. Иначе он может быть неискренним;

- в ходе беседы задавать не наводящие, а уточняющие вопросы. Избегать навязывание респонденту тех или иных оценок, но следить, чтобы каждый сообщаемый им факт был понятен и истолкован;
- при расшифровке записи обязательно производить транскрибирование, то есть помечать все паузы, особенности реакции респондента, буквально воспроизводить все его слова и выражения, не подвергая текст даже грамматическому редактированию.
- при расшифровке записи указывать дату записи, дату расшифровки, кто производил запись и расшифровку, к кассете прилагать распечатку интервью на бумажном носителе.

Где можно получить консультацию по методологии устной истории

В Российской Федерации в последние годы было открыто несколько научных центров по устной истории:

Центр устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 3

Тел./fax: (812) 275-51-41;

e-mail: oralhist@eu.spb.ru

<http://eu.spb.ru/oralhist/index.htm>

Центр устной истории был создан при факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2001 году как учебный центра подготовки специалистов в области устной истории, а также как исследовательский центр. Создание Центра стало первым этапом долгосрочного проекта по организации Института устной истории советского общества на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге. Организация центра осуществлялась в сотрудничестве с Центром устной истории Индианского универси-

тета (США) (<http://www.indiana.edu/~ohrc/>), который предоставил свои ресурсы для обучения и консультаций российских коллег.

Основным проектом Центра, разрабатываемом в 2001-2003 гг., является долгосрочный проект "Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города".

Центр визуальной антропологии и устной истории в Российском государственном гуманитарном университете

г. Москва, ул Чаянова, д.15, корп.6, каб.338.

<http://www.rsuh.ru/vizual.htm>

Тел.: (095)250-63-37

Центр разрабатывает научные проблемы в области устной истории, культурной и визуальной антропологии, новые технологии образования, основанные на использовании аудиовизуальных средств обучения, концепции проектов учебных видеофильмов нового поколения. Создаются аудиовизуальные базы данных по отечественной истории, культурологии, антропологии и этнографии.

Кроме того, в задачи Центра входит методическое и информационное обеспечение учебного процесса по направлениям деятельности университета; читается учебный курс устной истории при обучении по специальностям: 020800 - Историко-архивоведение; 520800 – История; 520900 – Политология (с программой данного курса, составленной доцентом Д.Н. Хубовой, можно ознакомиться на сайте <http://science.rsuh.ru/7.html>).

Санкт-Петербургский научно-информационный центр «Мемориал»

193144, СПб, а/я 199

Телефон: (812) 246 1928

Факс: (812) 246 1928

Е-mail: memscp@glas.apc.org

Научно-информационный центр (НИЦ) создан на базе историко-архивной комиссии Санкт-Петербургского благотворительного историко-просветительского правозащитного общества "Мемориал" (существует с 1988 года) Обслуживает библиотеку, архивные и музейные фонды общества, а также поддерживает исследователей, занимающихся историей политических репрессий.

В ведении НИЦ находятся картотека жертв репрессий (учитывает 24000 человек), архив личных фондов (1600 ед.хранения), архив самиздата (800 ед.хр.), фонд воспоминаний (120 ед.хр.), коллекцию газетных вырезок (с 1989 года), фонд устной истории (270 магнитофонных кассет и 200 ед.хр. расшифрованных записей), фонд фото и видеоисторий (1200 ед.хр. фотографий, 20 видеосюжетов), музейный фонд (300 ед.хр.).

Исследователи "Мемориала" и независимые исследователи, поддерживаемые НИЦ, ведут работу по темам: Организация политического сопротивления в Ленинграде (1918-1991), Церковь. Репрессии и сопротивление, История самиздата в СССР (1918-1991), История СЛОН, Театр ГУЛАГа, Репрессии поляков в Ленинграде, Репрессии католической общины Ленинграда, Репрессии художников, Репрессии независимых неполитических организаций в Ленинграде в 1920- х - начале 1930-х годов и др.

В г. Перми создан *Музей устной истории*

<http://yuryatin.psu.ru/museum1/comm.html>

Этот проект продолжает работу по программе "Устная история Перми". В его основе лежит идея сохранения и популяризации личных воспоминаний горожан об истории города и памятных человеческих судьбах. В ходе его реализации инициировано общественное движение по охране памяти, сформированы группы волонтеров, ведущих систематическую запись воспоминаний горожан в русле двух крупных тем: человек в истории и мемориальная топография города ("места памяти и силы").

По мере формирования архива будут предприниматься акции по общественной презентации материалов "Музея устной истории", а именно, представлена экспозиция "Пермь: места памяти и силы", издан пилотный выпуск материалов музея в серии "Жизнь незамеченных людей", создан виртуальный вариант музея на сайте фонда "Юрятин".

Проект также предполагает фиксацию, исследование и подготовку к публикации устных рассказов о городе. Среди пермяков бытуют многочисленные предания о памятных городских местах и сооружениях ("Башня смерти", Слудская церковь, Мотовилиха, Разгуляй, Егошиха и т.д.); былички о "нехороших" местах города; мемораты о событиях городской жизни, известных людях, истории города.

Рекомендуемая литература

В списке рекомендуемой литературы, кроме трудов отечественных ученых и переводов приводятся наиболее важные труды на иностранных языках, а также список научной периодики по устной истории и несколько ссылок на сайты иностранных научных центров по устной истории.

1. Анализ практик субъективизации в раннесталинском обществе // *Ab Imperio: Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве*. 2002. № 3. С.209-417.
2. Бэрг М.П. Устная история в Соединенных Штатах // *Новая и новейшая история*. 1976. № 6. С. 213-216
3. Виноградов В.М., Рябов А.В. "Устная история" и комплектование государственных архивов: Постановка проблемы // *Актуальные проблемы советского архивоведения*. М., 1986. С.6-16.
4. Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. // *Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика*. Т.1, УЗ ТГУ. Вып. 442. Тарту, 1978. С.63-112.

5. Доел Р. «Устная история» в историографии современной науки: опыт и проблемы // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 4. С. 60–88.
6. Кузнецова Н.П., Суринов В.М. "Устная история" в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980 № 1. С.73-79
7. Лоскутова М.В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002.
8. Методика подготовки для использования и публикации фонодокументов: Рекомендации / Главархив СССР. ЦГАЗ СССР. М., 1985.
9. Методика сбора устных исторических источников. Барнаул, 1992.
10. Суринов В.М. Историческое интервью в системе источниковедческих средств.//Методологические вопросы документоведения и архивоведения. Сб. докладов методологического семинара ВНИИДАД. Вып.1. М., 1976. С. 86-113
11. Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003.
12. Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории.//Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989. С.3-32.
13. Устная история в зарубежных архивах: Зарубежный опыт: Аналитический обзор / Сост. В.М. Виноградов, В.Н. Гермаш. М., 1988.
14. Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., общ. ред. и введение М.В. Лоскутовой. СПб., 2003.
15. Analyzing Discourse: Text and Talk / Ed. by D. Tannen. Washington, 1982.
16. Baum W. K. Transcribing and Editing Oral History. Nashville, 1991.
17. Briggs Ch.L. Learning how to ask: A sociolinguistic appraisal of the role of the interview in social science research. Cambridge, 1986.
18. Ives E. The Tape-Recorded Interview: A Manual for Field Workers in Folklore and Oral History. Knoxville, 1980.

19. McMahan E. Elite Oral History Discourse: A Study of Cooperation and Coherence. Tuscaloosa, 1989
20. Oral History: An Interdisciplinary Anthology / Ed. by D. K. Dunaway Nashville, 1996.
21. Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th. R. Sarbin. New York, 1986.
22. Mishler E.G. Research Interviewing: Context and Narrative. Cambridge, 1986
23. Ritchie D. Doing Oral History. New York, 1995.
24. Terkel St. Coming of Age: The Story of Our Century By Those Who've Lived It. New York, 1995.
25. Women's Words: The Feminist Practice of Oral History / Ed. by Gluck Sh., Daphne P. New York, 1991.
26. Yow V. R. Recording Oral History: A Practical Guide for Social Scientists. Walnut Grove, London, New Delhi, 1994.

Периодические издания по устной истории

1. Life stories / Recits de vie. Editor: Daniel Bertaux, Paul Thompson, Paris.
2. BIOS. Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History. Opladen: Leske und Budrich.
3. Narrative study of life. Editor Amea Lieblich (USA).
4. Narrative and life history. International Review of Sociology.
5. The Oral History Review (Journal of the Oral History Association).
6. Current Anthropology.

Интернет-ресурсы по устной истории:

Международная электронная конференция специалистов по устной истории, рабочий язык — английский. Подписаться (бесплатно) можно по адресу: H-Oralhist, a discussion list maintained by H-Net, Humanities and Social Sciences Online <http://www.h-net.org/~oralhist/>

Oral History Association (USA) <http://www.dickinson.edu/oha/>

International Oral History Association <http://www.ioha.fgv.br/>

Institute on World War II and the Human Experience at Florida State University <http://www.fsu.edu/~ww2/>

The Oral History Program of the American Bar Foundation
<http://www.abf-sociolegal.org/oralhistory/index.html>

T. Harry Williams Center for Oral History at Louisiana State University
<http://www.lib.lsu.edu/special/williams/index.html>